

*Елена
Арсеньева*

ДОЧЬ МЕРТВЕЦА

Елена Арсеньева

Дочь мертвеца

«Елена Арсеньева»

2017

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Дочь мертвеца / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева», 2017

ISBN 978-5-699-97859-5

Кто угодно, даже малыш ясельного возраста, способен отличить живого человека от давно умершего. И любой знает – мертвым положено вести себя тихо и лежать неподвижно... Такие мысли проносились в голове Сереги Сапожникова, когда он вдруг обнаружил, что делит купе с мертвецом. Кем еще может быть отвратительно пахнущее существо с зеленоватой кожей, синими губами и похоронной лентой на лбу? Но страшный попутчик смотрел и двигался, словно живой. Когда он засмеялся и протянул к мальчику руки, Серега не выдержал – и потерял сознание. Правда, вскоре он пришел в себя, но невероятные события на этом не закончились...

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97859-5

© Арсеньева Е. А., 2017
© Елена Арсеньева, 2017

Елена Арсеньева

Дочь мертвеца

© Арсеньева Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

«Куда ты глядишь? Кого ты там видишь?»

Н.В. Гоголь.

Вечера на хуторе близ Диканьки

Ближе к полуночи внезапно задул жестокий ветер, и старый лес, окружавший монастырь, заскрипел под его бурным натиском.

Ключья бледных ночных облаков неслись по мрачному небу, иногда закрывая луну.

Человек в длинном черном одеянии, который брел незримой тропой через лес, гнулся и стонал, словно тоже был старым деревом. Он что-то бормотал, но и сам не слышал своего голоса в шуме бури.

И вот наконец тропа привела его на голый, безлесный холм. Только одно дерево гнулось и трещало на вершине.

Ветер ударил в лицо с такой силой, что человек чуть не упал. Однако он заставил себя выпрямиться и раскинул руки.

Издали он напоминал черный обожженный крест. Такой крест мечтает иметь на своей могиле всякая нечистая тварь, ибо он не препятствует мертвому выйти из земли, чтобы насытиться живой кровью.

Издалека донеслись мерные удары монастырского колокола.

Колокол бил двенадцать раз.

Полночь!

Ветер неистовствовал, завывая громче и громче.

Человек поднял голову к луне, ночному солнцу колдунов, упырей и оборотней, и начал произносить проклятие. Ветер вырывал слова из его рта и разносил обрывки их по округе, словно гнилые листья:

– Аминь... бысти тебе... в керсту живьем ввержену... дондеже не грянет... тварь кобную в ночь купальскую осилит... до третьего коура на могиле высокой... развезнется удолие и разитесь бесследно... и не восстанет николиже...

Тот, кого он проклинал, слышал каждое слово, несмотря на то, что находился за версту от холма. И проклятие накрепко впечатывалось в его память.

Слезы катились по его измученному лицу, но не в силах он был их вытереть, потому что стоял прикованным к стене. Все, что он мог, это стенать, молиться – и ждать годы и века.

Ждать, пока не явится тот, кому предназначено разрушить проклятие, избавить его от вечных мучений... и погубить.

Уничтожить.

* * *

То, что этот дядька был мертвый, понял бы даже пацан ясельного возраста.

Нет, само собой, на мертвецов не натыкаешься в каждой песочнице или на игровой площадке! Но у всех дома есть телевизоры, по которым то и дело идут всякие нехорошие киношки

про убийства, убийц и про их многочисленные несчастные жертвы, – ну и благодаря этому невольно пополняешь образование. А маленькие цифирки 12+ или 16+, которые теперь, надо или не надо, мелькают в углу экрана, могут удержать вдали от телевизора только грудничков, и то лишь потому, что те самостоятельно ничего включить не могут, разве что свою собственную кричалку. Взросление же прочего молодого поколения происходит под диктовку телеящика – так папа Сереги Сапожникова называет телевизор, – а потому все вполне подкованы в данном вопросе и живого от мертвого отличат с полпинка.

Так что если ты – без разницы, пацан ясельного возраста, 12 тебе плюс или уже 16! – вдруг обнаруживаешь в непосредственной близости от себя невесть откуда взявшегося незнакомца, испачканного сырой землей, с желто-зеленоватой физиономией, закатившимися незрячими глазами, с синими губами, с черной повязкой поперек лба (эта повязка, если кто не знает, называется «венчик», или «похоронная лента»), – ты, конечно, с первой минуты понимаешь, что перед тобой самый натуральный труп.

Мертвец, короче.

Но... но эта первая минута проходит, и ты смекаешь, что ошибся, потому что мертвец – ну, труп, без разницы! – должен где-нибудь лежать: в могиле, в гробу, просто в земле, на авто-страде, где произошла авария, на каталке в морге... короче, он по определению обязан неподвижно лежать. А если этот желто-зеленоватый сидит, а не лежит и глаза у него вовсе не незрячие, а устремлены прямо в твои глаза, и сведенные судорогой пальцы тянутся к тебе, и он издает какие-то хлюпающие звуки типа такого трупного смеха, смертельно, прямо скажем, веселого! – в общем, если все это происходит, ты понимаешь, что перед тобой не обычный мертвец, а мертвец оживший. И если ты до сих пор еще не хлопнулся в обморок, как девчонка, ты орешь: «Нет! Этого не может быть!» – а потом все же хлопаешься в этот самый обморок – со слабой надеждой, что этого и впрямь не может быть, что все это глюк, а когда ты очнешься, желто-зеленого дяденьки с синими губами и похоронным венчиком в купе уже не будет.

Но знай, друг, надежда твоя – напрасная надежда! Это не глюк, это суровая реальность, и теперь неживой дяденька от тебя уже не отвяжется: ты влип в непонятную каку-бяку крепко, очень крепко, и неизвестно, вылезешь ли из нее когда-нибудь вообще!

* * *

Доктор Краев собирался уехать из своего дома навсегда и возлагал большие надежды на нынешнюю ночь. Для него очень многое должно было решиться.

Он станет богатым. Таким богатым, каким мечтал быть с тех пор, как узнал, за что на самом деле посадили в тюрьму его отца.

Он немного помечтал о том, как будет жить, когда это случится, но потом заставил себя заняться последними сборами.

Наконец он окинул прощальным взглядом комнату, куда больше не намеревался возвращаться.

Под столом валялся исписанный листок бумаги.

Человек поднял его и пробежал взглядом по строчкам:

«Аминь! За дар твой залазный бысти тебе, калугер, в керсту живьем ввержену, и стояти изъязвлену в ужах словес моих, дондеже незапу не грянет наследок твой, чадо колена седьмого, могущий зрети нежить допреж полунощи. Сей наследок мыт отвергнет, навий, упырей и прочую тварь кобную в ночь купальскую осилит без меча, без сулицы и рожна осинного, аще не сугнет оног о орда моя, ведомая балием подхибным, отай подручником бирева нашего вельзевела.

Сие ести клятое заклатье мое нерушимое!...»

Доктор Краев поморщился. Текст довольно длинный, а читать до конца нет ни сил, ни времени.

Ну и тарабарщина!.. Сколько времени он убил на то, чтобы перевести ее на нормальный русский язык и прочесть! Ну и зачем он этим занимался?

Вот перевод, на обороте. Старинное проклятие, которое имеет значение только для того, кто был проклят. А этого опасного наследка, может, и в природе не существует!

Доктор Краев хотел выбросить листок, но тут же вспомнил, что делал на нем кое-какие интересные заметки, когда читал старинные книги по этой теме. Заметки могут еще пригодиться.

Кейс и чемодан были уже закрыты, поэтому доктор Краев сложил листок вчетверо и сунул в карман куртки.

Ну а теперь – в путь!

* * *

Есть такая пословица: «Хорошее начало полдела откачало!» Мол, если что-нибудь начинается хорошо, то и дальше все будет о'кей. При этом подразумевается: если начинается плохо, значит, и потом все пойдет наперекосяк, а то и вовсе приведет тебя к летальному исходу...

Пословицы называют народной мудростью. Серега Сапожников убедился в правоте конкретно этой мудрости на собственном печальном опыте.

Родители Сереги должны были лететь в Турцию – на международную конференцию судмедэкспертов.

Это, надо сказать, работа тяжелая и хлопотная, поэтому большую часть своей жизни Серега общался только с кем-то одним: или с папой, или с мамой. Другой родитель был в это время на дежурстве, без разницы, день на дворе или ночь, праздники или будни. Папа и мама Серегины даже друг с другом редко виделись, поэтому ужасно обрадовались, когда им выпал шанс вместе полететь в Турцию.

Сереге же предстояло отправиться в Казань, к папиной сестре тете Оле. Но он вовсе не считал себя обиженным судьбой. В Казани летом почти такая же жарница, как в Турции! Конечно, Босфора в Казани нету, и Дарданелл тоже, зато у тети Оли домик над Волгой – спустись на бережок и хоть укупайся! В саду длинные грядки клубники, заросли малины, смородины и крыжовника, яблонь и слив... И все это богатство на лето поступает в полное распоряжение любимого племянника.

Словом, Серега совсем не возражал против поездки в Казань, даже наоборот!

Отвезти его должен был отец: выпросил на службе сутки, чтобы сгонять туда-обратно и заодно повидаться с сестрой.

Сначала собирались поехать на машине, как ездили всегда сколько Серега себя помнил: до Казани от Нижнего Новгорода каких-то пять-шесть часов, – однако на изрядно потрепанном «Рено» внезапно полетела подвеска. Пришлось оставить машину в сервисе и брать билеты на поезд.

И вот, когда оба Сапожниковы, старший и младший, только вошли в свое второе купе пятого вагона, старшему позвонил его начальник.

Серегин отец выслушал то, что ему сказали, а потом ошолбенел и онемел. В этом полном ступоре он пребывал минут пять, не меньше. Серега уже подустал прыгать вокруг и спрашивать, что случилось да что случилось!

Потом отец все же пришел в себя и нетвердым голосом сообщил, что в Казань ехать не может, ему приказано немедленно вернуться на работу, потому что дежурный эксперт увезен в больницу с приступом аппендицита, а необходимо срочно выезжать на место преступления.

– Вот же непруха, – вздохнул Серега, тоскуя оттого, что на неопределенный срок откладывается встреча с тетей Олей, клубникой и крыжовником, с любимой тропинкой, которая бежит от домика на обрыве к берегу Волги. Почва там глинистая, и в хорошую погоду тропинка почти горячая от солнца, а в дождик она становится невыносимо скользкой – лучше сразу плюхнуться на пятую точку и ехать, визжа от восторга и клонясь на поворотах...

Впрочем, Серега держался мужественно, ибо, имея родителей-судмедэкспертов, ты должен быть постоянно готов к перемене планов, мелким и крупным разочарованиям и всяким превратностям судьбы:

– Ну что, выходим? Теперь когда сможем поехать?

– Слушай, сын, – сказал отец нерешительно, – а что, если ты доедешь до Казани один? Переживешь это? Я Олечке позвоню, она тебя встретит... Понимаешь, я ведь свое право на служебные литеры уже использовал: если снова ехать, за билеты придется платить, а у нас с деньгами... сам знаешь, Турция эта, туда же с пустым кошельком не поедешь! Да еще в авто-сервисе сказали, что полетела половина агрегатов, начиная от сальников и заканчивая кулаками задней подвески... Насчитали чуть ли не полсотни тыщ за ремонт...

У отца был ужасно расстроенный голос, а Серега чуть ли не подпрыгивал от восторга.

Слов нет – эти наглые пятьдесят тысяч рублей, вычеркнутые из семейного бюджета, его тоже здорово огорчали. Однако получить такое предложение от родителя, который вечно считает тебя младенцем и шагу без «держись за ручку» ступить не дает... а тут предлагает самому доехать до Казани... это просто с ума сойти! Какой дурак откажется хотя бы в течение девяти часов – именно столько идет поезд – чувствовать себя совершенно самостоятельным, можно сказать взрослым, человеком?

Хочешь – читай, хочешь – ешь взятые из дому любимые бутерброды с котлетами и пей не менее любимую «Фанту», хочешь – спи, хочешь – просто так в окошко смотри допоздна (в июне темнеет чуть ли не в одиннадцать вечера!), хочешь – выходи на каждой станции и со взрослым и независимым видом прогуливайся вдоль вагонов...

В общем, Сереге даже неудобно стало, что он так обрадовался. Когда отец обеспокоенно спросил: «Точно не будешь Захаркиным?», сын чуть не расхохотался. «Быть Захаркиным» в их семье значило – плакать и ныть.

Захаркина – это мамина девичья фамилия. Серега в далекие детсадовские годы часто маму просил: «Расскажи, как ты была маленькая!» И мама начинала: «Когда я была маленькая, меня звали Машенька Захаркина. И я была ужасная плакса!»

Серега, надо сказать, в те минувшие, невозвратные года тоже был плаксой, потому что детский сад терпеть не мог. И папа, оставляя сына в группе и слушая его истошный рев, сердито говорил: «Да у тебя, брат, наследственность дурная! Ты у нас самый настоящий Захаркин!»

Годы шли, наследственность у Сереги значительно улучшалась, прозвище Захаркин от него постепенно отлипло и стало прозвищем для плакс вообще. А сейчас-то совсем нет повода ныть! Совсем наоборот!

Он так и сказал отцу:

– Захаркины канули в Лету!

Сереге очень нравилось говорить о чем-нибудь, что оно не просто забыто, а кануло в Лету. Крутое такое выражение! Замудренное! У собеседников глаза от изумления сразу раз – и в кучку: понятно, что перед ними не какой-нибудь несчастный нуб, а, можно сказать, профи!

Серега с отцом договорились, что немного позже они созвонятся и папа расскажет, что с ним сделала мама за то, что отпустил сыночка в Казань одного.

И вот отец ушел, а поезд тронулся.

Путешествие началось!

Впрочем, не следует забывать, что во всякой бочке меда непременно окажется ложка дегтя. Об этом предупреждает еще одна народная мудрость...

Началось все с того, что проводница, которая вошла в купе, чтобы билеты прокомпостировать, пристала к Сереге ну прямо с ножом к горлу – где пассажир Сапожников Н.И., то есть Николай Ильич? Она же видела, что в вагон вошли двое! И билеты ей показывали двое! А в купе оказался один Сапожников С.Н., то есть Сергей Николаевич!

Серега изо всех сил старался разъяснить проводнице все сложности работы судмедэкспертов, которых в любую минуту может призвать служебный долг и вынудить бросить сына одного – как во втором купе пятого вагона, так и в любом другом месте.

Немало прошло времени, прежде чем она вышла из купе, но головой качала очень недовольно.

Серега тоже недовольно покачал головой, потому что проводница оставила на полу в купе какие-то грязные следы, как будто ходила по сырой земле и не вытерла после этого ноги.

Само собой, Серега ей ничего не сказал. Он просто передвинул коврик, который лежал между полками. Запах сразу исчез, да и почище стало.

Поезд отошел от станции, и теперь можно было вовсю наслаждаться свободой – ведь в купе Серега ехал один-одинешенек.

Но как-то почему-то не наслаждалось.

Серега лениво сжевал котлету и плотнул «Фанты», поглазел в окно – ну, природа, ну, солнце тянется на закат, ну, зеркально поблескивают речки среди рощ, деревень и лесов...

Стало скучно.

Серега с нетерпением ждал первой станции, но позабыл, как же она называется. Что-то такое на С... смешное какое-то слово...

Вспомнил, что в коридоре должна быть схема маршрута поезда, вставленная в специальный пластиковый кармашек, вышел из купе – и с огорчением обнаружил, что кармашек пуст.

В эту минуту из служебного купе вышла проводница и вложила листок на место.

Серега посмотрел на листок. Сама схема и названия станций – Нижний Новгород, Суроватиха, Сечуга, Арзамас-городок, Арзамас-2, Перевозская и все прочие, до Казань-пасс., что означало Казань-пассажирская, – были отпечатаны типографским способом, но одно, примерно на середине расстояния между Нижним и Суроватихой, оказалось вписано от руки черным фломастером.

Серега взгляделся в маленькие, кривенькие букочки и прочитал: «Погости».

У проводницы в руках был черный фломастер.

– А что, – спросил Серега, – раньше этой остановки не было?

Проводница сердито взглянула на него, и Серега заметил, что у нее заплаканные глаза.

Сереге стало неловко. У нее какие-то неприятности? Может, начальник поезда отругал за то, что в вагоне едет несовершеннолетний без сопровождения родителей?!

Серега струхнул. А вдруг высадят?!

– Не было раньше, – сказала проводница. – А теперь есть. Там очень хорошо, на этой станции. Тебе надо обязательно выйти погулять. Слышишь? Обязательно!

– Хорошо, – сказал Серега покладисто, чтобы ее не огорчать. – Выйду.

– Стоянка две минуты, – предупредила проводница и ушла в служебное купе.

А Серега убрался к себе и достал взятый в дорогу сборник повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Строго говоря, взять следовало «Тараса Бульбу», которого в седьмом классе будут проходить по литературе. Но Серега эту повесть уже пролистал, и ему просто ужас как не понравилось то, что он там увидел! «Вия», «Страшную месть», «Майскую ночь» и «Ночь перед Рождеством» он раз десять читал и еще столько же прочитает, а про то, как отец сына убил, – ни разу не хотел.

Конечно, этот непутевый сын связался с прекрасной полячкой и вышел сражаться против своих, но все равно... кошмар! Ну, выпорол бы Тарас этого Андрия как сидорову козу, а то застрелить своими руками... Еще бы хоть в бою, случайной пулей, а то – один на один! Зверство какое! Бесчеловечное зверство!

Между прочим, Серегини родители были с ним вполне согласны. Мама призналась, что она читала в этой повести только страницы про любовь, потому что про любовь было написано очень красиво, а самого Бульбу всю жизнь ненавидела. А отец добавил, что Тарасу не Андрия надо было убивать, а самому со стыда застрелиться, потому что это он виноват, что у него такой сын. И добавил: несправедливо заставлять детей платить за ошибки родителей!

Сереге было неохота даже думать, что эту кошмарную книгу будут изучать на уроках литературы и вдалбливать семиклассникам, мол, это так и надо: убивать детей, если они совершили в жизни ошибку. Поэтому «Тараса Бульбу» он с собой не взял.

Вдруг поезд остановился. Да так резко, будто стоп-кран сорвали!

Наверное, подумал Серега, машинист не привык, что у него появилась новая станция – Погости, – и забыл притормозить. Хорошо, если с верхних полок никто не свалился!

Сереге глянул в окошко. Ну и станция! Перрона нет, вокзала тоже нет. Вдали можно с трудом разглядеть какое-то старинное здание, а рядом вроде бы развалины. Вообще такое впечатление, будто поезд встал в чистом поле!

Хотя, может, все станционные строения с другой стороны? И надо выйти в коридор и там посмотреть в окно, чтобы их увидеть?

Сереге, однако, в коридор не пошел. Он немножко подумал, а потом взял да и залез под нижнюю полку!

Вообще никакого преступления в том, что человек остается в своем купе и не выходит из вагона, нет. Но проводница так настаивала, чтобы Серега обязательно вышел...

Это было подозрительно.

Если Тарас Бульба мог убить своего сына, то почему проводница не может не пустить обратно в вагон постороннего ей пассажира Серегу Сапожникова, за которого совершенно некому заступиться? Не пустить просто так – потому что она взрослая, а он пацан? Бывший шестиклассник?

Взрослые вообще о себе мнят – ужас! И ведь не поспоришь! С ними спорить – себе дороже!

Поэтому Серега припомнил очередную народную мудрость насчет того, что береженого Бог бережет, – и решил отсидеться в купе.

В смысле, отлежаться.

Вскоре выяснилось, что Серега не зря старался: едва поезд остановился, как дверь купе отъехала в сторону с каким-то особенным визгом, с каким отъезжают только двери в поездах, и проводница испуганно сказала:

– А его нет. Неужели все-таки вышел? Как же это я не заметила?

– Ну, посмотрим, – зло ответил незнакомый мужской голос, и дверь закрылась.

«Неужели начальника поезда привела? – ужаснулся Серега. – Меня высаживать?! Вот ужас!.. Что же, мне теперь до самой Казани под полкой лежать?!»

Поезд тем временем тронулся.

Надо звякнуть папе, решил Серега. Рассказать, как тяжело ему приходится.

Может, отец позвонит начальнику поезда и все ему объяснит? А то в самом деле – не может же Серега ехать до Казани не только под полкой, но и под этим, как его... каким-то там мечом... Дамокловым, вот каким! – не может же Серега все время под этим мечом ехать и на каждой станции трястись от страха, что его вот-вот высадят?

Телефон остался в кармане рюкзака. Рюкзачок лежал на полке. Чтобы достать телефон, нужно было вылезти из-под полки.

Сергея уже почти завершил этот процесс, как вдруг заметил, что он в купе уже не один.

На другой нижней полке сидел какой-то дядька... и не простой дядька, а с желто-зеленоватой физиономией, закатившимися незрячими глазами, с синими губами, с черной узкой повязкой поперек лба. От его грязной военной формы несло плесенью и точно такой же гнилой гадостью, как от земли, рассыпанной под полкой.

«Наверное, так пахнет на кладбище, – подумал Сергей. – Так пахнет разрытая могила!»

А этот... желто-зеленоватый... пахнет как мертвец.

Вернее, оживший мертвец!

Откуда он взялся?!

Неведомо...

Впрочем, Сергей об этом-то не думал. Тупо смотрел на этого жуткого субъекта и слова не мог вымолвить.

Хотя, может, ему и следовало что-нибудь сказать. Например, поздороваться. И спросить, до какой станции мертвец следует. И сообщить, что сам он, Сергей Сапожников, едет до Казани. А потом поинтересоваться, какая у мертвеца полка, верхняя или нижняя. И успокоить: мол, если верхняя, то Сергей вполне может с ним поменяться, ему совершенно все равно, где спать...

Да, наверное, Сергею следовало завести такую обыкновенную вагонную беседу, как полагалось бы вежливому и воспитанному человеку... Но язык взял да и присох к гортани – самым натуральным образом присох! – и Сергей никак не мог заставить его шевелиться. Зато у него на спине очень сильно шевелились целые полчища мурашек, просто-таки маршировали туда-сюда, вверх-вниз, вниз-вверх...

А мертвец все это время пристально смотрел на Сергея своими незрячими, как бы ссохшимися глазами, а потом разомкнул раздутые, спекшиеся, синие губы и начал весело так хохотать, причмокивая и прихлюпывая, да еще и приговаривая:

– Приехали, парень. Тебе же сказали – выходи на нашей станции! Чего не вышел? Думал, спрячешься от нас? Да разве от нас спрячешься!..

Это было уж слишком для Сергея. Он повалился на пол и закрыл глаза, чувствуя, что сознание меркнет, и тихо радуясь, что больше не будет видеть сине-зеленую заплесневелую физиономию этого железнодорожного мертвеца и слышать его страшный смех.

Напрасно радовался, между прочим! Они еще встретятся...

* * *

В это же самое время Серegin отец сидел в полиции, в кабинете своего начальника, и смотрел на компьютере некую видеозапись.

Когда начальник первый раз увидел эту запись, он немедленно позвонил своему эксперту Николаю Ильичу Сапожникову, приказав бросить все и прибыть на работу, где бы он ни находился. Находился же Николай Ильич в вагоне поезда сообщением Нижний Новгород – Казань.

Поскольку полковник в двух словах рассказал Сапожникову-старшему, что именно снято на видео, тот и онемел, и остоленел. А потом взял да и обманул Сапожникова-младшего, то есть своего сына Сергея, сообщив, что нужно просто-напросто подменить заболевшего дежурного эксперта, а потому Сергею придется добираться до Казани самому.

Взрослые довольно часто врут детям (ничуть не реже, чем дети взрослым!). Для детей это, как правило, ложь во спасение – от наказания за двойку или замечание в дневнике. Взрос-

лые врут по разным причинам, но, как правило, тоже во спасение – во спасение неокрепшего детского организма от столкновения с суровым миром. Именно с такой целью и преподнес Николай Ильич сыну свое незамысловатое вранье.

Он просто не мог сообщить Сереге, что одному кладбищенскому сторожу удалось снять на мобильный телефон, как из могилы сам собой, без посторонней помощи, выбирается труп человека, похороненного ровно сутки назад!

Сторож этот был человек молодой, учился в университете, на кладбище дежурил сутки через трое, к работе своей привык и очень дорожил этим уголком, где в любое время года царила такая глубокая тишина, какой нигде в городе больше просто не бывает. Соседство с покойниками его ничуть не напрягало. Фильмов про вампиров, зомби, злобных пришельцев, мутантов, монстров, годзилл, франкенштейнов, «чужих», оживших кукол-людоедов и разную прочую нечисть сторож насмотрелся за свои двадцать лет выше крыши, отлично знал, что все это выдумки киношников... но у него натурально волосы дыбом встали, когда он наблюдал невероятную картину, происходящую совершенно наяву, на его глазах.

Началось все с того, что ровно в полночь его старый пес вдруг залился бешеным, истерическим лаем.

Пес жил при кладбище много лет и просто так, ни с того ни с сего, лаять не стал бы.

Сторож на всякий случай прихватил старую-престарую, заслуженную, передаваемую из поколения в поколение его предшественниками, кладбищенскими стражами, берданку, которая меткостью не обладала ну просто никакой, зато бабахала устрашающе, и вышел на крыльцо.

Светила полная луна, все было отлично видно. Пес продолжал надрывно лаять.

Сторож был уверен, что пес почуял не просто воришку, который явился стащить то, что оставляют на могилах родственники усопших, а какого-нибудь вандала – проще говоря, осквернителя памятников. А то и безбожного мерзкого сатаниста, который вознамерился принести на свежей могиле в жертву бродячего кота или собачонку, чтобы снискать себе благоволение врага рода человеческого, как испокон веков называют дьявола...

В эту минуту заслуженный кладбищенский пес перестал лаять, а начал жалобно визжать, и сторож понял, что бедолаге элементарно страшно.

И было с чего! Неподалеку, над могилой, куда только вчера опустили гроб, клубился белесый туман, обвивая памятник.

Пес умолк – видимо, лишился голоса с перепугу.

Сторож, впрочем, сначала не очень-то испугался, а даже обрадовался и включил камеру своего телефона.

Ему приходилось слышать, что иногда на кладбищах происходят удивительные явления, вызванные многочисленными химическими реакциями, происходящими в кладбищенской почве. Разложение тел, соприкосновение продуктов этого разложения с воздухом определенной температуры вызывает или свечение, или появление туманных вихрей. Под действием ветерка они начинают двигаться, принимать самые причудливые очертания, до онемения пугая случайных наблюдателей – и порождая многочисленные слухи о призраках и оживших мертвецах.

Сторож такого никогда не видел и сейчас подумал, что ему здорово повезло, потому что удастся диковинное явление запечатлеть.

Через минуту он так уже не думал, а мечтал лишь не умереть от ужаса...

Туман разметало в разные стороны, а памятник вдруг закачался. Это была обыкновенная жестяная пирамидка, которые ставят на могилах, пока не осела земля. Потом их заменяют более внушительными надгробиями.

Пирамидка подергалась туда-сюда и наконец свалилась набок.

Вслед за этим земля на могиле вспучилась. Комья полетели вверх и в стороны, как будто их кто-то нетерпеливо разбрасывал. Наконец шевелящаяся земля разверзлась, и наружу показалась крышка гроба.

В первую минуту сторожу почудилось, будто весь гроб целиком непонятным образом поднимается из могилы! Однако тотчас он сообразил, что крышка служит просто орудием, с помощью которого кто-то пытается выбраться наверх.

Наконец могила разверзлась, крышка полетела в сторону, и на поверхности возник некто в военной форме и черной похоронной ленте поперек лба.

Бывший покойник медленно повернул голову в одну и другую сторону, как бы осматриваясь. Набрал несколько горстей со дна своей могилы и сунул в карманы.

Потом он перебрался через оградку и зашагал куда-то в сторону.

Потрясенный сторож машинально вел за ним камеру телефона. И смог увидеть, куда труп столь уверенно направлялся.

Оказывается, за канавой, которая отделяла кладбище от окружной дороги, его ждал белый санитарный фургон.

Задняя дверца распахнулась. Тот, кто выбрался из могилы, легко вскочил в фургон, потом высунулся, оглянулся на кладбище и... помахал рукой, прощаясь с местом своего последнего пребывания.

Дверца захлопнулась. Машина тронулась и вскоре исчезла вдали. Направлялась она не в город, а в противоположную сторону, куда-то в область.

Сторож задедовыми пальцами выключил камеру и вернулся в дом.

Было так страшно, что сторож запер дверь и окна и даже выключил телефон, как будто боялся, что снятая им сцена оживет.

И еще он боялся, что мертвец вернется...

Тот не вернулся.

Только наутро сторож собрался с силами и позвонил в полицию.

Само собой, сначала его рассказ всерьез не приняли. Полицейские только посмеялись, а видеозапись сочли подделкой, которую сторож скачал из Интернета. Вдобавок они начали подозревать его самого в разорении могилы и похищении трупа. И в конце концов его увезли в отделение.

Сторож провел там целый день, уверяя полицейских, что на его мобильнике запечатлена истинная правда.

К вечеру о происшествии стало известно полковнику Грушину, начальнику отдела судебно-медицинской экспертизы. Под его руководством специалисты еще раз посмотрели запись и пришли к выводу, что она ниоткуда не скачана, а сделана именно прошлой ночью и никакой подделки тут нет.

После этого отношение к сторожу мигом переменилось. Его сбивчивый рассказ о происшедшем был не только запротоколирован, но и записан на диктофон и снят на видеокамеру. Телефон с записью у него изъяли, но взамен выдали новый.

Грушин взял со сторожа подписку о невыезде и неразглашении тайны, отправил домой, а потом принялся разыскивать ведущего эксперта своего отдела Николая Сапожникова.

Дело было не только в побеге этого мертвеца!

Ведь той же ночью исчез еще один покойник – с другого городского кладбища. Правда, как именно это происходило, никто не наблюдал, а тем более не снимал на видео.

Гроб остался в могиле, а его обитатель исчез. Около могилы обнаружили следы нескольких человек, которые, судя по всему, и похитили труп. Следы вели к автомобилю, который ждал неподалеку от кладбища. Очень странно, но отпечатки его протекторов совпадали с отпечатками колес «Скорой помощи», которая увезла сбежавшего покойника!

Эти два мертвеца исчезли одновременно... однако они и умерли одновременно – неделю назад!

Беглый труп служил при жизни тюремным надзирателем. Опасный преступник (это его труп похитили неизвестные), осужденный на долгий срок, подкупил надзирателя, чтобы тот помог ему бежать. Но побег раскрыли. И сообщники были схвачены в самый последний момент, когда уже не сомневались в успехе.

Это было чудовищное потрясение для обоих!

У преступника случился инфаркт, и он умер от разрыва сердца. Надзиратель пытался отстреливаться от охраны и был убит.

Трупы спустя некоторое время выдали вдовам, которые их и похоронили. Однако еще до этого, сразу после смерти, оба тела были обследованы для установления причин этой самой смерти, как и положено по закону. Для этого трупы увезли в клинику судебно-медицинской экспертизы.

В тот день дежурным патологоанатомом был Николай Ильич Сапожников.

С убитым все оказалось ясно, а вот сердце преступника, умершего от инфаркта (разрыва сердца, как это называется в обиходе), извлекли для исследования.

И вот сейчас, снова и снова просматривая видеозапись, Сапожников ломал голову, пытаясь понять: каким же образом могли сбежать стопроцентные покойники?! Ну ладно фильмы про оживших мертвецов, ну ладно фантастика, ну ладно столь любимые его сыном повести Гоголя «Страшная месть» и «Вий», – но вообще-то такого не бывает! Это невозможно!

При мысли о Гоголе Сапожников-старший вспомнил, что его сын Серега взял с собой в Казань сборник повестей этого писателя. А также Николай Ильич вспомнил и о том, что ему давно уже следовало бы позвонить сыну и спросить, как он там вообще, одинокий путешественник.

Сапожников нажал в своем мобильном телефоне на клавишу быстрого набора с цифрой 8 – Серега родился восьмого числа восьмого месяца, то есть 8 августа, – но услышал только долгие гудки.

Сын не брал трубку.

– Ну, Серега, ты где?! – нетерпеливо пробормотал Сапожников.

Он хотел перезвонить, но в эту минуту полковник Грушин сказал:

– Интересно бы знать, почему покойников увозили на какой-то загадочной «Скорой». Надеются их оживить, что ли?

Николай Ильич засмеялся, убирая телефон и решив перезвонить Сереге попозже.

Откуда ему было знать, что именно эта загадочная «Скорая» сейчас увозит невесту куда его единственного сына!

* * *

Серега очнулся, но глаза открывать не решался.

Конечно, его можно понять! А вдруг эта жуть, которая откуда-то взялась в купе, по-прежнему рядом?!

Однако он, кажется, находился уже не в вагоне. Грохота колес по стыкам рельсов слышно не было, зато раздавался ровный шум автомобильного мотора. И лежал Серега явно не на полу, а на чем-то прогибающемся и как бы клеенчатом.

Гамак?

Нет, наверное, носилки...

На таких носилках – Серега однажды видел! – несли в «Скорую помощь» внезапно заболевшего соседа.

Противно пахло клеенкой и дезинфекцией.

«Где я? – призадумался Серега. – Неужели после того, как я потерял сознание, меня сняли с поезда, вызвали «Скорую» и теперь везут в больницу?»

Только он хотел открыть глаза и оглядеться, как рядом послышался негромкий мужской голос:

– Как думаешь, он вообще очухается когда-нибудь?

Второй, погромче и поглубже, отозвался сквозь рокот мотора:

– Откуда я знаю! Приедем, в больнице разберутся...

И вдруг заорал:

– О! Смотри! Вот урод! Даже не думал, что такое бывает!

– Откуда эта нечисть только взялась? – с отвращением проворчал первый голос. – Не подпускай ее близко – хлопот не оберешься. А ну, отвали, дурная башка! Отвали!

Издали донесся сердитый, захлебывающийся лай, и Серега понял, что урод, нечисть и дурная башка – это пес.

– Надо же, вот чешет! – сказал первый голос. – И не отстаёт! Прибавь газу!

– Я из этой рухляди уже все выжал, что мог, – пожаловался второй. – Давно пора новую машину получить.

– Да ты не болтай, ты газуй! – заорал первый голос. – Еще, еще!

– Отстал! – удовлетворенно сообщил второй. – Век бы его не видеть.

Некоторое время царил молчок.

Серегу разбирало любопытство, но глаза он по-прежнему не открывал. Из всех сил уговаривал себя, что пора уже осмотреться, но – не мог решиться, хоть тресни.

– Осторожно! – вдруг взвизгнул первый голос. – Девчонка! Собьешь!

Послышался визг тормозов, машину занесло, Серегу чуть не смело с носилок. Какие-то ремни врезались в тело, и он догадался, что привязан.

Почему? Зачем?!

Осторожно открыл один глаз и вздохнул с облегчением, не увидев того ужасного мертвеца.

Рядом сидел какой-то маленький невзрачный человечек в замызганном белом халате, небрежно надетом поверх клетчатой рубашки, вылезшей из заношенных джинсов.

«Очень странно, – подумал Серега, – медики ведь уже не носят белые халаты. Это раньше было. А теперь у них такие зеленоватые робы... Хотя вроде бы у врачей «Скорой» синяя форма. Или нет?»

Какое-то время он тупо размышлял об этом, а тем временем человек в халате продолжал кричать, высунувшись в окно и придерживая нелепую белую матерчатую шапочку:

– Ты ее задел! Смотри! Она упала и не двигается!

– Не знаю, – неуверенно отозвался водитель. – Может, и задел! Сама виновата – нечего было лезть на дорогу!

– Она не шевелится! Не встает! – надсаживался врач.

– Ну и что?! – рявкнул водитель. – Предлагаешь остановиться и забрать ее с собой?

– Ну, я не спятил, – пробормотал врач, отодвигаясь от окна.

Серега быстро закрыл глаза.

Это как?! «Скорая» не останавливается подобрать человека, которого сама сбила?!

Происходило что-то непонятное. И Серега почувствовал, что рано еще показывать этим людям, что он очнулся.

А тем более рано начинать с ними разговор!

Это сущие субчики-голубчики. Так Серегин папа называл всяких подозрительных и неприятных особ.

Эти двое были подозрительны и неприятны. Значит, типичные субчики-голубчики!

– Вот совпадение, – проговорил врач, – псина рыжая и девчонка рыжая. Ну прям «Союз рыжих», рассказ Конан Дойла!

И он захихикал.

«Что?! – чуть не заорал Серега. – Вы сбили человека, и вам смешно?»

Может, он и заорал бы, да от ярости в зобу дыханье сперло, совсем как у вороны в басне Крылова.

Хотя у вороны вроде дыханье сперло от радости...

Да не суть важно, главное – что всяко сперло!

– Ладно, хоть целая лежит, – буркнул тем временем водитель. – А то, знаешь, я одно время работал в команде, которая убирает трупы после дорожных катастроф. Если б я до этого не побывал в состоянии клинической смерти, непременно бы со страху снова помер. Вот работка, я тебе скажу! Это мрак... По одной тетке, помню, грузовик с прицепом проехал. Вечером прихожу домой, а она такая на кухне лежит, вся плоская, и на меня смотрит... Сам не помню, как удрал от нее, но бежал быстрее гоночной машины! Только здесь очухался. Устроился в больничке шофером, а домой с тех пор не возвращался. Вдруг она меня все еще ждет на кухне?

Сереге стало очень холодно...

– Ишь ты, чудеса! – удивился врач. – Я ведь тоже в кому впадал – но как раз после дорожной катастрофы. Давно, еще мальчишкой... Ты, между прочим, правду говоришь: от некоторых жмуров и впрямь отвязаться трудно. Я раньше в городе жил. Пошел как-то раз на кладбище – соседка попросила мужнину могилку прибрать. А как раз перед родительским днем такая грязь стояла! Я напролом лез по могилам, иначе не пройти было. Даже не смотрел, куда ступаю. Ну, убрался там, возвращаюсь, оборачиваюсь ненароком – за мной идет девка какая-то. Идет и идет. А лицо все в размазанной косметике... Я такой разозлился и говорю: «Чего пристала? Я таких нерях не люблю!» – «Сам виноват, – говорит она, – это же ты мне на лицо наступил, когда по могилам шлялся!» Только тут я понял, откуда она взялась... И сбежал сюда. Тут, конечно, свои траблы на каждом шагу и свои жмуры, но они ко мне не лезут, а ее я больше не видел, и на том спасибо! Но каждый день, честно сказать, боюсь: а вдруг она меня здесь найдет?

– Я тоже боюсь, – признался шофер.

«Куда я попал?! – в тупом ужасе подумал Серега. – Кто они такие, эти субчики-голубчики?! А может, это юмор у них такой?!»

Очень хотелось думать, что это юмор... А еще больше хотелось думать, что там, в купе, был глюк.

На Серегином месте каждому небось хотелось бы думать именно так!

– Ну, приехали! – вскоре сказал водитель. – Стоп машина!

«Скорая» остановилась.

Распахнулась дверца, и носилки с Серегой куда-то поехали. Он сообразил, что его вытаскивают из машины.

От носильщиков пахло спиртным. Похоже, субчики-голубчики были любителями выпить.

– Поосторожней! – взвизгнул врач. – Землю не рассыпь! Потом хлопот не оберешься.

– Ладно, – буркнул шофер. – Сам знаю.

Потом носилки поплыли – Серегу понесли.

Куда?!

Неведомо...

В эту минуту ремни, которые держали Серегу, отстегнули. Его небрежно свалили с носилок на холодную каталку и повезли.

Вопрос «куда?» по-прежнему стоял на повестке дня, и на него по-прежнему не было ответа.

«Ну и обращение! – подумал Серега зло. – Свалили, будто какое-то бревно бесчувственное! Или вообще как труп!»

И тут его поразила ужасная догадка: «А может, я и в самом деле труп?! Может, я умер в купе со страху и меня привезли в морг?! Хотя нет, я же слышу голоса, я чувствую запахи, я думаю... а трупы не могут думать! – попытался он успокоить себя, но тут же в мозгу обосновалась холодная и беспощадная мысль: – А кто это тебе сказал, будто трупы не могут думать? А вдруг могут? Ты же сам недавно видел – они могут даже смеяться!»

Как бы проверить, жив он или нет? Надо попробовать спрыгнуть с каталки.

Если удастся – значит, он жив. Если нет...

Между прочим, «если нет» ничего не значит. Судя по тому же Гоголю, да и по личным Серегиным впечатлениям, ожившие мертвецы вовсю шляются где им заблагорассудится и даже ездят на поездах!

«Ладно, – угрюмо сказал себе Серега, которому расхотелось ставить опасный опыт с неизвестным результатом, – пока полежу. Посмотрю, что дальше будет!»

Чтобы посмотреть, следовало открыть глаза, и Серега решил это непременно сделать, когда останется один.

Каталка в это время оказалась в каком-то помещении, где стоял затхлый, неприятный запах, словно здесь не убрали и не проветривали лет десять.

А может, и двадцать. Или даже больше!

– Баба Нюра! – крикнул гулким басом шофер. – Гони лифт!

Тишина.

– Баба Нюра-а! – надсаживался шофер.

– Чего зря разоряешься? – сердито спросил врач. – Она же тебя не услышит. Скажи в стенку – монах передаст.

– А, забыл, что у тутошних свои законы! – сказал шофер и глухо пробубнил: – Монах, слышь? Бабе Нюре сообщи, что лифт нужен.

Показалось Сереге или здание чуть содрогнулось?..

Раздался пронзительный визг – видимо, это спускался лифт. Заскрипели, отворяясь, дверцы. Похоже, тут все механизмы заржавели во времена незапамятные! И никому до этого дела нет.

Серегу вкатили внутрь, причем ногами он уперся во что-то толстое, холодное и упругое. Это неведомое оттолкнуло его довольно сильно, даже каталка немножко отъехала.

Серега приоткрыл один глаз. В лифте было полутемно, в углу горела маленькая красная лампочка, но разглядеть хоть что-то в ее свете было трудновато.

Лифт остановился, Серегу выкатили, ни слова не сказав на прощание бабе Нюре. Впрочем, с ней и не здоровались.

– Ну, куда его? – спросил шофер. – В коридоре оставить?

– Ты спятил! – возмутился врач. – Сказано же было – ни в коем случае в коридоре не оставлять! А вдруг доктор задержится? Еще не хватало, чтобы вся эта братия до него добралась!

– Ладно, вот вроде пустая палата, – буркнул шофер.

Скрипнула дверь, Серегу еще немножко провезли, потом каталка остановилась.

– Ну что, пошли? – сказал врач. – Доктор велел, как освободимся, ехать его папашу караулить на перекрестке за станцией.

«Что ж там за папаша такой у этого доктора, что его надо караулить? – недоуменно подумал Серега. – От кого? Или это его самого надо караулить, чтоб не сбежал?»

– А сам доктор где? – сердито спросил шофер.

– Да не нашего ума это дело! – отозвался врач. – Нам главное – папашу не упустить. Как увидим, сразу доктору позвоним. У папаши «Рено», запомни.

«У нас тоже „Рено“», – вспомнил Серега с тоской.

Если бы их «Рено» не сломался, его бы здесь не было!

– А номер какой? – спросил шофер.

– Да на кой черт тебе номер? В этих местах «Рено» раз в год проедет! – усмехнулся врач. – Ты тут автомобили вообще видел? Наша дохлая «Газель» да «Хаммер» доктора, вот и весь автопарк!

– Есть охота, – проворчал шофер.

– Пока будем ждать – перекусим, – успокоил врач. – Там в рюкзаке бутеры лежат, я видел. И «Фанта».

– Живем! – обрадовался водитель.

Потом хлопнула дверь, и Серега почувствовал, что остался один.

И наконец открыл глаза...

* * *

Тем временем поезд сообщением Нижний Новгород – Казань остановился на станции Суроватиха. На перроне уже собрались пассажиры, ожидающие посадки. Однако тем, кто собрался войти в пятый вагон, пришлось поволноваться: двери не открывались, проводница не появлялась.

Пассажиры были вынуждены заходить через соседние вагоны.

Поезд тронулся, но никто не проверял у вошедших билеты.

Появился начальник поезда. Он прошелся по купе, извиняясь и успокаивая пассажиров. Проводницы не было.

Начальник поезда расправил скомканный половичок в коридоре и неодобрительно покачал головой, увидев надпись «Погосты», сделанную от руки на расписании движения поезда.

Удивился: почему Погосты?! Погосты – вот как называлась старая, заброшенная, всеми покинутая станция, которую даже в железнодорожное расписание давным-давно не вносили!

Уж очень страшное у нее было название. Ведь погосты – это кладбища...

А теперь это название вписали, да еще с ошибкой. Почему? Зачем?

И еще начальник вспомнил, что недавно в пятом вагоне был сорван стоп-кран, чтобы остановить поезд на этой станции Погосты...

Он тогда попытался выяснить, кто сорвал стоп-кран, однако проводница клялась, что ничего не знает.

Начальник пообещал как следует наказать ее после прибытия в Казань. И вот теперь она исчезла.

Может, сбежала? Или заболела от страха?

Начальник вспомнил, что мельком видел машину «Скорой помощи», которая стояла неподалеку от заброшенной станции Погосты, а потом, когда поезд тронулся, двинулась вслед за ним по старой проселочной дороге, которая шла параллельно железнодорожным путям.

Может, эту «Скорую» проводница вызвала? Но почему ничего не сказала начальнику?!

– Уволю! – мрачно пробормотал он, вскрывая своим ключом запертое служебное купе.

И тихо вскрикнул...

Проводница лежала на полу.

Вокруг валялись комья сырой земли, от которой несло вонючей гнилью.

Проводница была холодна, недвижима, бледна, глаза закрыты.

Потрясенный начальник поезда поискал пульс.

Пульса не было...

– Она умерла! – воскликнул начальник.

– Все там будем! – пробурчал кто-то рядом.

Начальник поезда обернулся.

Никого.

Послышалось?..

Начальник выскочил в коридор и запер купе.

Его трясло. Он был в ужасе и от этой внезапной смерти, и от того, что ему показалось, будто это грязная, осклизлая земля, рассыпанная вокруг проводницы, пробурчала: «Все там будем!»

Пробурчала хлюпающим мужским голосом...

* * *

Каталка, на которой лежал Серега, стояла посреди больничной палаты, находившейся в состоянии удивительной заброшенности.

Четыре кровати, ничем не застеленные, с голыми ржавыми сетками, около кроватей – пустые тумбочки с оторванными дверцами и без полочек. Шкафа нет, телевизора нет, даже туалета и душа нет.

Больница была не только заброшенная, но и очень старая. На ее преклонный возраст указывали очень толстые, какие бывают только в старинных домах, обшарпанные стены с обнажившейся кирпичной кладкой и потолок с разводами зеленоватой плесени. Штукатурка с потолка почти вся обвалилась. Деревянный пол местами прогнил. Окно, само собой, без занавесок, краска на рамах вся облупилась, приоткрытая створка висит на одном шпингалете...

И следовало еще сказать спасибо, что уже смеркалось: в солнечном свете картина казалась бы, пожалуй, более безотрадной!

– Ужас какой, – пробормотал потрясенный Серега. – От чего же тут могут вылечить, в такой-то больнице?!

Собственно, это его не должно было волновать, потому что ни лечиться, ни вообще задерживаться здесь он не собирался.

А зачем?! Он совершенно здоров, чувствует себя отлично. Вообще по какому праву его сняли с поезда и куда-то завезли?! Причем все его вещи: и рюкзак, и сумка с подарками для тети Оли, и телефон, похоже, остались в вагоне!

Нет, пожалуй, все это имущество сейчас в «Скорой»! Не его ли бутеры собрались съесть врач и шофер? И не его ли «Фанту» вознамерились пить?

Серега остро пожалел, что не съел и не выпил все сам, пока имел такую возможность.

Да, впрочем, ладно, фиг с ними, с бутербродами и с прочими вещами, но телефон... Серега собрался было позвонить отцу и сообщить, что произошло, – а теперь как звонить?

Пока он об этом думал, внизу послышался шум мотора – это уезжала «Скорая». Потом на минутку стало тихо, потом Серега снова услышал шум мотора.

Приближалась какая-то другая машина.

И вот раздался визг тормозов, хлопанье автомобильных дверей и встревоженный мужской голос:

– Врачи! Скорей! Помогите!

Серега спрыгнул с каталки, осторожно подошел к окну и выглянул.

Он увидел серый автомобиль марки «Рено», который стоял около крыльца.

«Вот, а говорили, что «Рено» тут не увидишь! – подумал он. – Нате вам пожалуйста! Совсем как наш, только серого цвета, а у нас вишневый!»

Рядом с автомобилем стоял высокий мужчина. Он беспомощно озирался, держа на руках бессильно обмякшее тело рыжеволосой девчонки в джинсовых шароварчиках и клетчатой рубашке с длинными рукавами.

Почему-то Серега сразу подумал именно так: «держал тело», а не «держал девчонку». Уж очень у нее вид был безжизненный!

«А ведь, наверное, это ее сбила «Скорая», – догадался Серега. – Субчики-голубчики говорили про рыжую девчонку... Она отлетела на обочину, а этот дядька на «Рено» ехал следом и подобрал ее.

– Эй, да есть тут кто-нибудь?! – закричал в это время мужчина совсем уж отчаянно, водя взглядом по окнам, и вдруг лицо его прояснилось: он увидел Серегу.

– Эй, парень! – позвал он. – Куда все подевались?

– Не знаю, – признался Серега. – Меня самого только что привезли на «Скорой».

– Видел я эту «Скорую», – сказал мужчина, – куда-то помчалась, водитель меня не заметил. Слушай, позови какого-нибудь врача, а? Я девчонку на обочине подобрал. Наверное, ее машиной сбило. Вроде кости целы, но не шевелится. Не то без памяти, не то... – Он перевел дыхание. – Видать, головой о бетонку сильно ударилась. Боюсь, умрет с минуты на минуту! Срочно помощь нужна! Позови врачей, слышишь, парень!

Сереге было ужасно страшно выходить из палаты, но не мог же он уподобиться тем, кто бросил сбитую девочку на обочине дороги!

Вздыхнув поглубже, он приоткрыл дверь и шагнул в сумрачный коридор, освещаемый единственной лампочкой, висевшей на голом шнуре.

И невольно ахнул: в коридоре было полно народу!

Правда, народ оказался какой-то странный... Изможденные, измученные люди сидели или лежали вдоль стен, потому что никакой мебели, – ни каталок, ни лавок, ни стульев – в коридоре не было.

Сначала Серега перепугался и решил было, что все эти люди мертвы, уж очень бледный вид они имели, но потом обнаружил, что они шевелятся и на него поглядывают.

– Где найти врача? – крикнул он. – Хоть какого-нибудь?!

Люди косились на него, но никто не отвечал.

Серега перебегал глазами с одного на другого и диву давался – до чего же странно они все одеты! Один мальчишка примерно Серегиных лет – лохматый, белобрысый, бледный, босоногий – был в длинной линялой рубаше в горошек, подпоясанной бечевкой, и каких-то нелепых, закатанных до колен штанах. Рубаша мальчишки была запачкана на животе чем-то темно-красным, очень похожим на кровь.

Серега передернулся и отвернулся.

Некоторые сидевшие в коридоре люди оказались в больничных полосатых пижамах, какие Серега видел только в совсем уж допотопных киношках, но большинство были прикинуты совершенно нелепо: женщины в длинных юбках и убогих темных кофтах, на головах платки; мужчины в каких-то дурацких пиджаках... Слово «пиджак», впрочем, к этой одежде не слишком подходило. Мелькали в Серегиной голове варианты «армяк» и «сюртук» – но он затруднялся выбрать, толком не зная значений этих слов.

Местная публика в большинстве своем была босая, но на некоторых оказались сапоги или ботинки, какие только в музее увидишь. Серега разглядел даже нескольких персонажей в лаптях... вот чесслово, вот чем хотите мог он поклясться, что эти люди были в самых настоящих лаптях!

«Тут, наверное, психушка, – подумал Серега с тоской. – Желтый дом! Но с какого перепугу меня сюда привезли?!»

С какого, с какого... С самого настоящего! Наверное, там, в вагоне, при виде ожившего мертвеца он так перепугался, что с испугу сдвинулся и жутко накуролесил. Вот и пришлось вызвать «Скорую» из ближайшей психушки. Не зря он был крепко привязан к носилкам!

Кажется, это называется – зафиксирован.

Вот ужас...

У Сереги слезы подступили к глазам и уже готовы были закапать, но он героическим, просто-таки сверхъестественным усилием воли загнал их обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.